

БЕМИДБАР

Книга «Бемидбар» описывает становление евреев как народа. Поражает то, что этот процесс происходит в пустыне, вдали от городов, центров культуры, вне собственной земли. Но именно там, в отсутствие чуждых влияний и под постоянным наблюдением Всевышнего, народ рабов смог завершить исход из Египта и начать формирование своего национального облика. В этой главе описано незаурядное событие: «И так говорил Бог, обращаясь к Моше в пустыне Синай, в Шатре Откровения, в первый день второго месяца, во второй год после исхода их из страны египетской: “Произведите исчисление всего общества сынов Израиля по семействам их, по отчим домам их, по именам всех мужчин поголовно”» («Бемидбар», 1:1,2). Какова же цель исчисления, которому в Торе посвящена почти вся эта глава?

Удивительно то, что приказал произвести исчисление Всевышний, знавший, конечно же, заранее его результат. Очевидно, оно должно было принести какую-то пользу еврейскому народу.

В мидраше сказано: «Что это нам напоминает? Царя, у которого было много зернохранилищ. Все они были заброшены, и царь не знал, сколько там зерна. И лишь одно хранилище он держал всегда в чистоте и порядке. Сказал он своим домочадцам: “Меня не интересует, сколько зерна в грязных хранилищах. Но в этом – отборная пшеница, и я хочу знать точно, сколько ее у меня”» («Бемидбар раба»). Раши объясняет: «Он считает их из любви к ним». Как же Всевышний выражает Свою любовь в переписи? Ключ к пониманию этого кроется в той форме, в которой производилось исчисление: «по именам всех мужчин» – то есть каждый называл свое имя, его записывали в книгу, а потом подсчитывали имена и узнавали общее количество. Исчисление выражалось в двух составляющих: в фиксации имени и полученного в результате подсчета числа. Оба компонента в совокупности выражали противоречивые, но столь естественные стремления евреев, находившихся в начале процесса формирования народа. Каждому хотелось быть самостоятельным и неповторимым, но в то же время являться частью общности, своего народа. Исчисление производилось при помощи имен, и каждый знал, что он не статистическая единица, а личность с собственным именем. Кроме того, оно проводилось «по семействам их, по отчим домам их». В отличие от рабов, не имеющих своей семьи и прошлого, каждый еврей удостоился того, чтобы его записали как члена рода, т.е. как свободного человека. С другой стороны, все евреи в конечном итоге вошли в суммарное число, объединившее их и включившее в себя каждого. Рамбан говорит, что исчисление народа должно было подчеркнуть величие Израиля, вселить в людей ощущение национальной гордости. Крайне важно, чтобы каждый почувствовал, что он имеет самостоятельное значение, что его ценят и считают с ним. Люди, которые были рабами и с которыми обращались, как со стадом животных, внезапно почувствовали заботливое, человеческое отношение к себе. Исчисление евреев явилось первым шагом и к самоуважению у каждого индивидуума, и к обретению всем народом национальной самобытности. Так началась дорога к свободе.

НАСО

В главе «Кдошим» мы говорили о том, что святости можно достичь отнюдь не путем отшельничества и аскезы, но придя к гармонии между духом и материей. В главе «Насо» есть фраза, которая, на первый взгляд, противоречит этому утверждению: «...если мужчина или женщина даст строгий обет быть *назиром*... то от вина и хмельного должен он воздержаться, винный уксус и прокисшую брагу не пить... во все дни обета его... быть ему святым...» («Бемидбар», 6:2,3,5). По истечении же срока обета такой человек должен обрить волосы. Неужели Тора объявляет *назира* идеалом святости?

«Сказал Шимон га-Цадик: “Однажды пришел один человек с юга, *назир*, [срок обета которого еще не истек]. Увидел я, что он красив и пригож и кудри его волнами ниспадают на плечи. Я сказал ему: ‘Сын мой, что заставило тебя [принять решение прежде времени] состричь такие красивые волосы?’ Ответил он мне: ‘Я пас скот своего отца, пошел набрать воду из источника и увидел свое отражение. Гордыня охватила меня и не давала мне покоя. Сказал я *йецер га-ра* (злему началу): злодей, почему ты возносишься в мире, который тебе не принадлежит, над тем, кто превратится в червей? Поклялся я обрить свои волосы во Имя Небес’. Я поцеловал его в лоб и сказал: ‘Сын мой, да умножатся *назиры*, подобные тебе, в народе Израиля’”» («Недарим», 9б).

Однако Тора обязала *назира* принести после завершения срока обета искупительную жертву за грех. Следовательно, *назир* – это, в сущности, грешник, а не праведник, и о нем сказано: «...и искупит его прегрешение...» («Бемидбар», 6:11).

Какова же причина двойственного отношения к *назиру*, которого, с одной стороны, называют святым, а с другой – грешником?

С точки зрения иудаизма, идеальным является человек, который радуется тому, что дает ему мир, но при этом умеет обуздывать свои страсти. Грех *назира* состоит в том, что он отказывается от нормального образа жизни и, борясь со своими слабостями, добровольно принимает на себя ограничения, к которым его не обязывает воля Творца. *Назир* должен принести повинную жертву, показывая этим, что путь, избранный им, не является лучшим из возможных. Но вместе с тем он проявляет готовность к самоограничению для того, чтобы победить свои слабости и исправиться, а это – признак праведности. Обет, принятый на себя *назиром*, – это процесс нравственной переориентации, в ходе которой человек укрепляет свой дух и учится владеть собой, что требует силы воли и незаурядного мужества. Его называют святым, потому что он совершает поступок, который может поднять его к полному самоконтролю. А подлинная святость и есть гармония желаний души и тела, ибо когда человек достигает ее, он способен по воле своей властвовать над всеми силами души. Достигнув этого состояния, *назир* оправдывает свое имя: *незер* на иврите означает «венец». Автор одного из классических комментариев к Торе Аврагам бен Эзра писал: «Все люди – рабы своих страстей, но тот, кто надевает венец свободы от них, становится истинным царем». Рамбам в главе «Гильхот га-деот» книги «Мишнэ Тора» пишет: «Путь истины пролегает между крайностями... Если человек близок к одной из них, пусть отшатнется к крайности противоположной, и так он выйдет на верный путь». В каком-то смысле путь *назира* является ущербным, но и на нем достигается святость.

БЕҒААЛОТХА

Среди многих событий, происшедших с евреями в пустыне, стоит обратить внимание на беседу Моше с его тестем Итро. На первый взгляд, она представляется обсуждением сугубо семейных дел: «И сказал Моше Ховаву, сыну Реуэля, мидьянитянину, тестю Моше: “Отправляемся мы в то место, о котором сказал Бог: ‘Его отдам вам’. Иди же с нами, и мы сделаем тебе добро, ибо Бог обещал Израилю благополучие”. Но [тот] сказал ему: “Не пойду [с вами], а в страну свою и на родину свою пойду”» («Бемидбар», 10:29,30). Итро, у которого было несколько имен, и Ховав – одно из них, отвечает отказом на просьбу Моше: он хочет вернуться к своему народу, с которым расстался, услышав о чуде исхода евреев из Египта.

Кажется странным, что Тора останавливается на этом разговоре. Еще более удивительно то, что Моше продолжает настаивать и уговаривать своего тестя остаться. «И сказал: “Прошу, не оставляй нас, ибо точно знаешь ты пристанище для нас в пустыне, и был бы ты нам глазами!”» (там же, 10:31).

Создается впечатление, что Моше заинтересован в Итро и эта заинтересованность выходит за рамки семейных отношений. Почему? Мидраш находит ключевое слово в словах Моше и комментирует его: «“И был бы ты нам глазами” – все, что будет скрыто от наших глаз, ты нам покажешь» («Ялкуп Шимони»). Как может служить выходец из Мидьяна глазами Моше и всему народу, который ведет и которому покровительствует Всевышний?

Итро не был в египетском рабстве вместе с еврейским народом и не выходил вместе с ним на свободу, принужденный к тому волей Всевышнего, – он оставил свою семью, все, чем владел, и пришел к евреям, чтобы жить в их среде и вместе с ними быть участником великих событий. Он предпочел скитания по пустыне полной изобилия и роскоши жизни в своей стране. Моше опасался, что трудности пути и высокие требования, которые выдвигает Тора, испугают его соплеменников и те будут с тоской вспоминать об оставленных в Египте горшках с мясом, – именно это и произошло впоследствии. Итро же был в глазах евреев человеком, который добровольно выбрал веру в единого Б-га, пожертвовав многим. Мидраш говорит, что Итро, хорошо знакомый со всеми языческими верованиями, существовавшими в то время, но обратившийся к Б-гу Израиля, поистине мог служить глазами еврейскому народу, ибо избрал путь истины совершенно сознательно, отвергнув идолопоклонство.

После выхода из Египта евреи не сразу попали в Эрец-Исраэль. Вначале они сорок лет странствовали по пустыне. Эти странствия, описанные в книге «Бемидбар» (*мидбар* на иврите – «пустыня»), имели глубокий смысл: за такой срок евреи полностью освободились от влияния языческих культур, закалились как народ и обрели способность противостоять влиянию идолопоклонников, обитателей Кнаана. Кочуя по пустыне, сыны Израиля постепенно утратили связи с тем миром, в котором силы, поддерживающие человеческую жизнь, исходят снизу, от земли, и стали осознавать, что получают свою жизненную энергию сверху, с Небес. Материальным подтверждением тому стал *ман* (манна) – пища, которая падала с неба. Евреи стали учиться обращать взгляд вверх, к Источнику любого изобилия, к Б-гу.

Это был длительный и болезненный процесс. Невозможно за короткий срок научиться подавлять в себе потребительское начало и развить творческое. В главе «БеҒаалотха» рассказывается о позорном моменте в нашей истории: «И стал народ как бы роптать на Бога... Сброд же, который был в их среде, стал [заявлять о] желании удовлетворить свои прихоти... заплакали опять сыны Израиля и сказали: “Кто накормит нас мясом? Мы помним рыбу, которую ели в Египте свободно”...» («Бемидбар», 11:1,4,5).

Чем объясняется эта странная селективность памяти евреев, вспоминающих о своем пребывании в Египте как о счастливом времени, когда у них было все необходимое? Ответ на этот вопрос может быть только один: материальная сторона существования все еще представлялась им важнейшей. Еврейские мудрецы глубоко понимали психологию этих людей: «Как можно было сказать, что египтяне давали рыбу свободно, ведь сказано: “И солома вам дана не будет”? Если солому не дают свободно, как же могут свободно давать рыбу? Все дело в слове “свободно”. Они имели в виду то, что были свободны от заповедей» (мидраш, который приводится в комментарии Раши). Евреям тяжело было взвалить на себя бремя исполнения законов Всевышнего и подвести под свою жизнь прочный духовный фундамент. Принятие власти Творца – это длительный и болезненный процесс, и не случайно Израиллю потребовалось для этого сорок лет странствований по пустыне.

ШЛАХ

«И говорил Бог, обращаясь к Моше, так: “Пошли от себя людей, чтобы осмотрели они страну Кнаан, которую Я даю сынам Израиля...”» («Бемидбар», 13:1,2). Моше выполнил повеление Всевышнего и дал посланцам такое напутствие: «...“вот, идите на юг [страны], и взойдите на горы, и осмотрите страну, какова она, и [каков] народ, живущий в ней, – силен он или слаб, малочислен он или многочислен...” И поднялись они, и высмотрели страну... И возвратились они с осмотра страны через сорок дней. И пошли, и пришли к Моше, и к Агарону, и ко всему обществу сынов Израиля... И рассказали им, и сказали: “Пришли мы в страну, куда ты послал нас, и вот – течет она молоком и медом, и вот плоды ее. Но силен народ, живущий в этой стране, и города укрепленные очень большие; также сынов Анака видели мы там. Амалек живет на юге страны...” ...Люди же, которые ходили с ним [с Калевом], сказали: “Не можем мы идти на народ тот, ибо он сильнее нас”. И распускали они злую молву о стране, которую осмотрели, между сынами Израиля, говоря: “Страна, которую прошли мы, чтобы осмотреть ее, это страна, губящая своих жителей, и весь народ, который мы видели в ней, – люди-великаны...” И зарыдало все общество, и плакал народ в ту ночь. И роптали на Моше и Агарона все сыны Израиля, и сказало им все общество: “Лучше бы мы умерли в стране египетской или в пустыне этой умерли бы...” ...И сказал Бог, обращаясь к Моше: “До каких пор будет гневить Меня этот народ... все эти люди, видевшие славу Мою и знамения Мои, которые Я совершал в Египте и в пустыне, но испытывали меня уже десять раз и не слушались голоса Моего! Не увидят они страну, которую Я обещал отцам их, все, кто гневил Меня, не увидят ее!.. В пустыне этой падут трупы ваши, все исчисленные из общего числа вашего...”» («Бемидбар», 13:17,18,21,25-29,31,32; 14:1,2,11,22,23,29).

За грех разведчиков «поколение пустыни» понесло страшное наказание: только двое из них – Йеѓошуа бин Нун и Калев - удостоились перейти Ярдэн (в русской традиции – Иордан) и поселиться в Эрец-Израэль; остальные нашли свою смерть по дороге к ней. В чем же заключался этот грех – ведь посланцы Моше, вернувшись, рассказали о том, что увидели, чистую правду? Вина их заключалась в том, что они, не ограничившись описанием страны, дерзнули высказать вслух свое мнение о шансах евреев захватить ее.

«Но силен народ, живущий в этой стране» – да, страна хороша, но ее жители непобедимы. «Также сынов Анака видели мы там» (*анак* на иврите – «великан») – куда нам тягаться с ними! «Амалек живет на юге страны» – нам вновь предстоит сразиться с самым страшным нашим врагом, который нанес нам уже большой урон. И, наконец: «Не можем мы идти на народ тот, ибо он сильнее нас». Люди, которые были свидетелями чудес, совершенных для них Всевышним в Египте, во время перехода Красного моря и в пустыне, запуганы разведчиками и больше не верят в то, что Он способен привести их в страну, которую обещал. Народ полагается на мнение своих посланцев, а не на Б-га. Это поколение еще не созрело для жизни в обещанной Им Израиллю стране. Мудрецы объясняют, что корень всех трагедий, случившихся с еврейским народом на протяжении его истории, именно в неверии. Символично, что разведчики вернулись и выступили перед своими соплеменниками девятого *ава* – впоследствии в этот день в самые разные эпохи произошло множество драматических событий в судьбе евреев, в память о чем мы отмечаем его строгим постом.

КОРАХ

Нелегко приходилось вождю еврейского народа Моше, не все оценивали по достоинству сделанное им и поддерживали его. В главе «Корах» описан бунт против Моше и Агарона: «И отделился Корах, сын Ицгара, сын Кеѓата, сын Леви, и Датан и Авирам, сыны Элиава, и Он, сын Пелета, сыны Реувена, и предстали [они]

перед Моше вместе с людьми из сынов Израиля – двести пятьдесят [человек], вожди общества, призываемые на собрания, люди именитые. И столпились [они] вокруг Моше и Аѓарона, и сказали им: “Полно вам! Ведь все общество, все святы, и среди них Бог! Отчего же возносите вы над собранием Бога?!”» («Бемидбар», 16:1-3). Безоговорочное лидерство братьев попытались оспорить не смутьяны из низов, но представители тогдашней элиты - Корах был двоюродным братом Моше, а об остальных сказано: «вожди общества, призываемые на собрания, люди именитые». На первый взгляд, бунтовщики отстаивают справедливость, требуя всеобщего равенства, но вдумаясь: может ли существовать общество без лидеров, наделенных властью? И все же, пусть Корах и его товарищи были неправы в своих претензиях, соответствовало ли их проступку такое страшное наказание: «И разверзлась пасть земли, и поглотила их, и дома их, и всех людей Кораха, и все имущество. И огонь вышел от Бога, и пожрал двести пятьдесят человек, принесших смесь благовоний» (там же, 16:32,35)?

Дело в том, что за пустословием Кораха и его друзей, якобы добивавшихся равенства, скрывались безнравственность и жестокость. Раши в своем комментарии приводит мидраш, который помогает нам понять суть бунта Кораха: «Что заставило Кораха спорить с Моше? Он позавидовал Эльцафану, сыну Узиэля, которого Моше по велению Всевышнего назначил главой сынов Кеѓата. Корах сказал: “В семье моего отца было четверо братьев. Амрам – старший, и двое его сыновей наделены величием, один из них – вождь, другой – первосвященник. Кому полагается следующий по значению пост? Не мне ли, сыну Ицѓара, который родился после Амрама? А он назначил главой сына самого младшего брата! Я не соглашаюсь с ним и не подчиняюсь его словам”». Таким образом, Корах искал отнюдь не равенства, а власти для самого себя. Почему же к нему присоединились другие люди? Мудрецы объясняют, что все они по той или иной причине чувствовали себя обделенными и объединились, чтобы добиться власти. Датан и Амиран были из колена Реувена, который, будучи старшим сыном Яакова, не удостоился стать лидером народа из-за своих грехов, и царство было передано Йеѓуде, а священничество – Леви. Датан и Амиран не могли примириться с тем, что власть была отнята у их колена, и потому присоединились к Кораху. Комментаторы объясняют, что остальные участники бунта были первенцами. Первенцы должны были исполнять функции *коѓаним*, но после изготовления золотого тельца священниками стали члены колена Леви, не участвовавшие в этом. Восстав против Моше, первенцы мечтали вернуть себе священничество. Это был не спор, в котором рождается истина, но попытка переворота, предпринятая людьми, добивавшимися власти. Наказание, которое за этим последовало, стало очередным подтверждением Б-жественного происхождения власти Моше, Всевышний наглядно продемонстрировал евреям, что бунт против нее равносильен бунту против Него Самого.

ХУКАТ

Первосвященник Аѓарон, брат Моше, возвращает свою душу Творцу. Его смерть потрясла народ, который скорбит даже больше, чем будет скорбеть после смерти Моше. В Торе говорится: «И оплакивали сыны Израиля Моше...» («Дварим», 34:8), – но «...и оплакивал Аѓарона... весь дом Израиля» («Бемидбар», 20:29).

Уже в начале книги «Шмот» Тора намекает на то, каким незаурядным человеком был Аѓарон. Одним из доводов Моше, когда он пытался отказаться от возложенной на него Всевышним миссии, был следующий: для его старшего брата будет обидной такая ситуация. Всевышний отвергает этот довод: «...выходит он тебе навстречу и, увидев тебя, возрадуется в сердце своем» (4:14). Мидраш объясняет: «Не только внешне возрадуется, но и в сердце, – радость в сердце больше, чем радость внешняя» («Танхума»).

Аѓарон не только не завидует высокой миссии, возложенной на брата, – он от души радуется за него. Однако любовь народа первосвященник заслужил не только неизменной доброжелательностью к людям, но добрыми делами. Мидраш говорит: «Поссорились два приятеля. Аѓарон пошел к одному из них и сказал ему: “Мой сын видел, как твой друг сидел, убитый горем, рвал на себе волосы и говорил: ‘Горе мне! Как я посмотрю в глаза своему товарищу, которого я незаслуженно обидел?’” Аѓарон сидел у этого человека до тех пор, пока тот не перестал сердиться. Тогда он пошел ко второму и сказал ему то же, что и первому. Когда приятели встретились, они обнялись и расцеловались» («Авот де-раби Натан»).

Первосвященник должен был быть тесно связан с народом, он учил людей основам жизни в обществе: любви к ближнему, умению уступать друг другу и стремиться к миру. Аѓарон был достоин своей высокой миссии; все его служение в Святилище призвано искупить грехи евреев и примирить их с Б-гом. Ѓилель, живший в конце периода Второго Храма и прославившийся своей добротой и миролюбием, говорил: «...учись у Аѓарона: цени мир и стремись к миру, люби людей и приближай их к Торе» (Трактат «Авот», 1:12).

БАЛАК

На протяжении всей еврейской истории народы мира неоднократно пытались уничтожить Израиль. Об одной из первых попыток такого рода рассказано в недельном разделе «Балак».

Вкратце она сводится к тому, что Балак, царь Моава, охваченный глубокой тревогой при виде новой грозной силы, надвигающейся с юга, – народа Израиля, вышедшего из Египта, – и, узнав о разгроме войска Сихона, царя соседнего государства эмореев, теряет веру в свою способность противостоять агрессии силой оружия. Понимая, что в сражении ему евреев не одолеть, Балак прибегает к необычному средству: он приглашает величайшего чародея и мудреца того времени пророка Бильяма и просит его погубить народ Израиля силой своих магических способностей, о которых ходили легенды.

В Торе подробно описано, как посланцы Моава убеждали и упрасивали Бильяма, как тот поначалу отказывался, но в конце концов согласился, и как произошло великое чудо: его ослица заговорила и обратилась к нему со словами упрека. Злой умысел Балака и Бильяма не удался: последний полагал, что сумеет пробудить благосклонность Всевышнего к себе и с Его помощью проклянет Израиль, но был вынужден подчиниться воле Творца и трижды благословить евреев.

Образ Бильяма сложен. С одной стороны, он великий и признанный всеми мудрец, с другой – он враг Израиля, согласившийся проклясть его.

Мишна в трактате «Авот» изображает Бильяма человеком алчным, тщеславным и честолюбивым, законченным грешником: «Тот, кто обладает тремя следующими качествами, – из учеников нашего праотца Авраама, а [тот, кто обладает] тремя качествами, [перечисленными еще ниже], – из учеников злодея Бильяма. Ученики нашего праотца Авраама доброжелательны, просты в обращении и непритязательны. Ученики злодея Бильяма завистливы, высокомерны и похотливы...» (5:19). Но вопреки столь отрицательной характеристике, мудрецы, комментируя стих Торы «И не было более пророка в Израиле, подобного Моше...» («Дварим», 34:10), говорят, давая нам пример объективности: «У Израиля не было, а у народов мира был, – Бильям, сын Беора».

Вызывает недоумение, что этот человек, характер которого даже в малейшей степени не наделен чертами, присущими истинному пророку, удостоился высочайшего пророческого дара, равного тому, которым кроме него обладал лишь Моше-рабейну.

Мидраш объясняет это так: «Почему Бильяму был дан дар пророчества? Чтобы в будущем народы мира не могли сказать в день Суда: “Владыка мира! Если бы нам был дан пророк, подобный Моше, мы приняли бы Твою Тору”. Вот Он и дал им Бильяма».

Людам не дано принять на себя бремя Торы, не приложив к тому усилий. У Бильяма был могучий духовный потенциал, который остался нереализованным. Он мог бы стать великим праведником, но предпочел следовать алчным побуждениям своего сердца. Да, народы мира получили пророка, удостоившегося столь же великого пророческого дара, что и Моше. Но на этом сходство между ними и кончается.

Последние пророчества Бильяма устремлены в будущее. Но, в отличие от пророков Израиля, различавших за дымкой, скрывающей его, прежде всего духовные блага, ожидающие мир с раскрытием в нем царства Всевышнего («И будет Господь царствовать над всей землей», «И наполнится земля знанием Господа, как водами, покрывающими море»), – Бильям пророчествует совсем о другом: «...и сокрушит он [Израиль] пределы Моава, и разгромит всех сынов Шета. И будет Эдом разгромлен, и будет разгромлен Сеир – враги его, а Израилю будет сопутствовать успех. И властвовать будет [потомок] Якова, и не оставит в живых никого из жителей города... Первый из народов Амалек, но конец его – гибель» («Бемидбар», 24:17-20). Стиль этих пророчеств совершенно иной. Хотя Бильям предвещает Израилю благо, речь все равно идет о войнах, смерти и разрушениях. Он видит далеко, но взгляд его узок, ограничен привычными категориями бездуховного мира. Ибо пророчества того, кто не сумел или не пожелал стать достойным своего великого дара, всегда будут соответствовать низкому духовному уровню такого человека.

ПИНХАС

Моше знает, что близок тот день, когда евреи войдут в Страну Израиля; ему также известно, что не он введет свой народ в его страну. Моше обращается к Создателю: «Пусть назначит Бог, Всесильный [Творец] душ всякой плоти, человека над обществом, который выходил бы перед ними, и который входил бы перед ними, и который выводил бы их, и который приводил бы их, чтобы не было общество Бога как стадо, у которого нет пастуха». И сказал Господь, обращаясь к Моше: “Возьми себе Йеѓошуа бин Нуна,

человека, сильного духом, и возложи на него руку твою... И поделись с ним величием своим, чтобы слушалось его все общество сынов Израиля» («Бемидбар», 27:16-18,20). О величии Моше наши мудрецы пишут: «Надо восхвалять праведников, которые, покидая этот мир, не думают о своих нуждах, а занимаются нуждами народа» («Ялсут Шимони»).

Итак, преемником Моше выбран Йеѓошуа бин Нун. В чем заключается его заслуга, почему именно он стал вождем народа перед захватом Эрец-Израэль? О словах «человек, сильный духом» мидраш говорит: «Он умеет понять каждого человека». Лидер народа должен уметь заглянуть в душу к каждому и найти к нему индивидуальный подход - и Всевышний знал, что Йеѓошуа способен на это. Но в этом аспекте лидерства мы видим и разницу между ним и Моше. Тора описывает возвращение Моше с горы Синай после получения им Торы так: «И увидел Аѓарон и все сыны Израиля Моше – и вот: от лица его исходят лучи света, – и побоялись приблизиться к нему» («Шмот», 34:30). Моше возвышен духом, но далек от людей. Он самый скромный из евреев – и все же в его присутствии люди чувствуют свою ничтожность. Мудрецы так объясняют отличие Моше от Йеѓошуа: «Лицо Моше подобно солнцу, лицо Йеѓошуа – луне» (Талмуд, «Бава батра»). Солнце является источником света, у луны же нет собственного света, она лишь отражает свет солнца. Моше достиг высшего уровня, какого может достичь человек. Ему была дана Тора, и он удостоился наивысшей степени связи с Б-гом. Он был для евреев солнцем, дающим свет, но на солнце невозможно смотреть в упор. Йеѓошуа был учеником Моше, но он был ближе к земле, чем к Небесам. Он подобен луне, отражающей свет другого источника, чтобы все могли пользоваться им. Если в пустыне евреи были подобны детям, которые ничего не делали самостоятельно (их вели по ней, еда падала им с неба, Всевышний хранил их), то теперь наступил этап зрелости: им предстоит войти в Страну Израиля, вести войны, обрабатывать землю. Евреи должны научиться жить в мире действия, и их лидером должен стать человек действия, в присутствии которого они не будут чувствовать себя ничтожными, но смогут пойти за ним как за старшим братом. Поручение роли вождя такому человеку свидетельствует о том, что период скитаний евреев в пустыне завершен и начинается новая эра в жизни народа.

МАТОТ

Закончилось сорокалетнее странствие евреев по пустыне, теперь они стоят у порога Эрец-Израэль – страны их предков, которая была обещана им Б-гом. Нетрудно представить себе, с каким воодушевлением все отнеслись к этому великому событию. И тут происходит непредвиденное: группа людей обращается к Моше со странной просьбой. В Торе об этом сказано так: «И много скота было у сынов Реувена и у сынов Гада, весьма много, и увидели они страну Язэр и страну Гильад, и вот: место это подходит для скотоводства. И пришли сыны Гада и сыны Реувена, и сказали Моше, и Эльазару-коѓену, и вождям общества так: “...земля эта пригодна для скота, а у рабов твоих скот”. И сказали: “Если мы нашли милость в глазах твоих, пусть будет дана земля эта рабам твоим во владение. Не переводи нас через Ярдэн”» («Бемидбар», 32:1,2,4,5). Но где же любовь этих людей к Стране Израиля? Где же осознание своей обязанности принять участие в ее завоевании вместе со всеми? Что заставило их обратиться к Моше с просьбой, которая может привести к раздору между коленами? В просьбе дважды повторяется слово «скот» – собственность для этих людей превыше всего. Моше потрясен и самой просьбой, и последствиями ее выполнения, которые он предвидит. Он говорит: «Братья ваши пойдут на войну, а вы будете сидеть здесь? Зачем склоняете вы сердце сынов Израиля к тому, чтобы не переходить в страну, которую дал им Бог?» (там же, 32:6,7). Евреи из колена Гада стремятся исправить произведенное ими впечатление и уверяют Моше в своей готовности выполнить долг по отношению к народу: «...загоны для овец построим мы для скота нашего здесь и города для малых детей наших, а мы быстро пойдём перед сынами Израиля, пока не приведем их на место их... Не возвратимся мы в дома наши, пока не получит каждый из сынов Израиля удел свой. Ведь мы не возьмем с ними удел по ту сторону Ярдена и далее, ибо получаем мы удел наш на восточной стороне Ярдена» (там же, 32:16-19). Моше видит, что они твердо стоят на своем и их невозможно переубедить. Но ответ Моше показывает этим людям, что их позиция не устраивает его: «...если вы сделаете это, если выступите пред Богом на войну и перейдет каждый выступивший из вас через Ярдэн пред Богом... и покорена будет страна пред Богом... и достанется вам эта страна во владение пред Богом» (там же, 20-22). Даже в ваших заверениях о том, что вы соблаговолите согласиться выйти на войну вместе со всем Израилем, хочет сказать Моше, вы поставили грядущую победу и освобождение земли в зависимость от вашего участия в войне: «А мы быстро пойдём перед сынами Израиля, пока не приведем их на место их». А где же Всевышний, где же ваше понимание того, что только Он может привести к победе? Поэтому Моше и подчеркивает несколько раз: «пред Богом». Кроме того, он говорит: «Стройте себе города для детей ваших и загоны для скота вашего». Раши приводит мидраш, объясняющий, почему Моше так сказал: «Они думали прежде о своем скоте, а потом – о детях. Моше же сказал наоборот:

сначала позаботьтесь о детях, а потом – о скоте». Мидраш анализирует поступок колен Гада и Реувена: «Сыны Гада и Реувена были богаты, у них было много скота, и они дорожили своим имуществом. Они стали жить за пределами Эрец-Исраэль и поэтому были изгнаны раньше всех остальных колен, как сказано: “И возбудил Всесильный Израиля дух Пула, царя Ашура, и дух Тилгата-Пилнесера, царя Ашура, и изгнал сынов Реувена, и Гада, и половину колена Менаше, и привел их в Хелах и Хавор...”» («Диврей-га-ямим I», 5:26). Что же послужило причиной этому? То, что они отделились от братьев из-за своего имущества («Мидраш раба»).

МАСЪЭЙ

Самым важным этапом подготовки евреев к расселению в Эрец-Исраэль был раздел земли между коленами жеребьевкой: «И дал Моше сынам Израиля такое повеление: “Вот страна, которую разделите вы между собой по жребию и которую Бог приказал дать девяти коленам и половине колена”» («Бемидбар», 34:13).

Моше стоит перед сложной юридической и социальной проблемой. «И подошли главы родов... из семейств сынов Йосефа... и сказали: “Бог повелел господину нашему дать страну в удел сынам Израиля по жребию, и господину нашему велено Богом дать удел Цлофхада, брата нашего, дочерям его. Если же они станут женами кого-либо из сынов других колен Израиля, то отторгнут будет удел их от удела отцов наших и прибавится к уделу того колена, сынам которого они будут женами, а от удела нашего по жребию отторгнут он будет”» (там же, 36:1-3). Ответ был следующим: «Справедливо говорит колена сынов Йосефа. Вот что повелел Бог о дочерях Цлофхада. [Он] сказал: “Тем, кому понравятся они, могут они стать женами, но только в семействе колена отца их быть им женами, чтобы не переходил удел у сынов Израиля от колена к колону; ибо каждый человек среди сынов Израиля к уделу колена отцов своих должен быть привязан”» (там же, 36:5-7). Талмуд объясняет, что это решение было временным и относилось лишь к периоду завоевания земли Кнаан. Мудрецы говорят, что Моше не сразу ответил на вопрос, а после того, как обратился к Б-гу. Но разве для такого решения недостаточно простой логики? Почему же Моше не дал его сразу? Кроме того, непонятным является то, что именно этой историей завершается рассказ Торы о пребывании евреев в пустыне.

Учение хасидизма объясняет, что пятая книга Торы, «Дварим», – это источник и начало всей Устной Торы. Уровень же души Моше – это тот духовный уровень, который является источником Письменной Торы. Тора же предшествовала Творению и принадлежит вечности, и лишь снизойдя, она стала духовным источником нашего мира. В Стране Израиля евреи вошли в другую реальность: реальность Устной Торы, в каком-то смысле адаптации Торы к человеку, его восприятию мироздания. Моше действительно не знал ответа на заданный ему вопрос, и именно потому, что тот относился к области преходящего, больше соотносившегося со сферой Устной Торы. И действительно, впоследствии деление народа на колена исчезнет и сама Тора отменит разделение страны по этому признаку, а вопросы о браке между представителями разных колен отойдут в прошлое. Инициатива людей из колена Йосефа и незнание Моше ответа символизирует начало нового периода еврейской истории, периода завоевания Эрец-Исраэль, и начало расцвета Устной Торы.